

НЕМЕЦКИЕ УСТАВЫ XVI ВЕКА И РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ШКОЛЫ

В статье идет речь о первых школьных уставах, составленных в разных германских землях в XVI веке, в ходе развития реформационного движения. Эти уставы являлись составными частями церковных уставов и прежде всего регулировали вопросы религиозного воспитания в школах совместно с семьей.

Ключевые слова: Реформация, школьный устав, латинские школы, немецкие школы, катехизис, класс.

THE GERMAN RULES OF THE XVIth CENTURY AND THE ARISE OF A NEW SCHOOL

The article is talking about the first school charters drawn up in the different German States in the XVIth century during the development of the reform movement. These charters were with a set parts of the Church statutes primarily regulate the issues of religious education in schools together with the family.

Keywords: Reformation, Rules of school, Latin school, German school, catechism, school form.

Вопросы организации школьного образования и открытия школ, где дети могли бы учиться писать, читать и считать, стали особенно востребованными на Западе в XVI–XVII веках, в период активного формирования буржуазных отношений и необходимости у населения приобретать элементарные знания. Чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский (1592–1670) в «Великой дидактике» пишет о всеобщем школьном образовании, ссылаясь на авторитет Мартина Лютера (1483–1546), и приводит следующие его пожелания: «...во-первых, чтобы во всех городах, местечках и селах были устроены школы для обучения всего юношества обоюбого пола, чтобы даже занимающиеся земледелием и ремеслами, приходя в школу, ежедневно хотя бы по два часа обучались наукам, добрым нравам и религии; во-вторых, чтобы обучение происходило наиболее легким методом, который не только не отвращал бы от наук, а к ним привлекал бы» [1, с. 120].

Интерес немецкого реформатора к проблемам образования и организации школ закономерен и непосредственно связан с его теологиче-

ской доктриной и с его социально-политической парадигмой переустройства общества. Наиболее полно принципы организации школьного образования изложены реформатором в «Послании к советникам всех городов земли немецкой о том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» (*An die Bürgermeister und Ratherrn allerlei Städte in deutschen Landen, daß sie christliche Schulen aufrichten und halten sollen*, 1524) – сочинении, на которое собственно и ссылался Коменский.

Написание произведения не было случайным, к его созданию Лютера подтолкнула плачевная ситуация в области образования, вызванная самим реформационным движением. Отказ реформаторов от посредничества церкви в делах духовных и закрытие в этой связи монастырей, являвшихся до того основными источниками образования, с одной стороны, и пристанищами ими же обученных людей, с другой – привели к небывалому запустению школ в Германии и резкому сокращению интереса к наукам и образованию вообще [2, с. 137]. По мнению Лютера, родители решили, что им незачем отправлять детей учиться, раз у тех исчезла перспектива стать в дальнейшем священниками и монахами. И хотя реформатор считал, что это явление носит временный характер, он попытался изменить сложившееся поло-

¹ Кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории МГТУ им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал), доцент кафедры педагогического образования АНО ВО «Российский новый университет».

жение, поставив во главу угла знание Священного Писания, но на базе классических языков, так как именно их изучение более всего пострадало в ходе начавшейся Реформации. Поэтому основной акцент в программе обучения, предложенной Лютером, делался на изучении латинского, древнегреческого и древнееврейского языков.

Этот призыв не остался лишь пустым звуком: уже в 1525 году в Эйслебене самим реформатором были открыты две школы – высшая и низшая. В том же году был написан и первый *школьный устав* (или, точнее, учебный план) для высшей (латинской) школы [3, с. 104]. Его автором стал один из друзей и учеников Лютера, *Иоганн Агрикола* (1494–1566), он же стал учителем в указанной школе [3, с. 103].

Следует обратить внимание, что уставы (*Schulordnungen*) писались именно для латинских школ, то есть школ, где велось преподавание латыни на латыни, и, в перспективе, выпускники этих школ должны были пополнить ряды протестантских проповедников и теологов. Именно об открытии таких школ писал в своем послании 1524 года Лютер. Школьные уставы, в свою очередь, являлись составными частями церковных уставов (*Kirchenordnungen*) [4, с. 135]. Этот факт говорит и в пользу того, что они регулировали также и религиозное образование. В XVI веке подобные уставы были изданы в Брауншвейге (1528), Виттенберге (1533), Ганновере (1536), Вюртемберге (1559) и др. [4, с. 135–136].

Первый школьный устав эпохи Реформации был написан на латинском языке. По свидетельству Карла Шмидта, этот уникальный документ был найден в 1865 году в городской библиотеке Гамбурга и опубликован немецким юристом и библиотекарем Фридрихом Лоренцом Гоффманом [3, с. 104].

Следует отметить, что, несмотря на лаконичность данного документа, ему присущи все необходимые составные части подобного рода источников, которые в дальнейшем можно увидеть в любом школьном уставе эпохи Реформации.

Это, прежде всего, обращение к читателю с восхвалением властей Эйслебена, устроивших в городе школу, с объяснением того, для чего это сделано и зачем написан данный устав: «...чтобы дети в этой школе соблюдали известный *порядок работ и занятий*, мы напишем для них программу уроков» [3, с. 108]. Далее действительно следует программа обучения, очень краткая, но довольно ясная, с описанием учебных пособий, которые должны использоваться в школе, а также с основами методики обучения. Примечательно, что уже в этом уставе предла-

галось разделить учащихся на классы, «...чтобы удерживать еще слабый возраст, как бы в известного рода *изгородях*¹, и заставлять их постепенно переходить от более легкого к более трудному» [3, с. 108]. В данном случае налицо дисциплинарный момент устройства школы.

Всего выделялось три класса: первый – элементарный; третий – высший, поступление в который было доступно только самым успешным ученикам, полностью освоившим латинскую грамматику и приобретшим навыки латинского письма на уровне написания сочинений и стихов [3, с. 109]. В третьем классе предполагалось изучение греческого и еврейского языков, а также математики и естественных наук. Особое внимание уделялось религиозному воспитанию, чему посвящался воскресный день. Из произведений, которые учитель должен был разъяснять ученикам в этот день, предлагались евангелисты, послания апостола Павла или притчи царя Соломона. Однако в своеобразный «минимум» религиозного образования входили традиционные «Отче наш», Символ веры и Десять заповедей [3, с. 110].

Таким образом, можно видеть, что в первом протестантском уставе были заложены основные принципы организации школ, представлена примерная программа обучения, а также имелись зачатки методики обучения.

Инициатива Эйслебена была подхвачена другими городами и их бургомистрами. Так, в 1526 году ближайшим другом и соратником Лютера *Филиппом Меланхтоном* (1497–1560) была открыта латинская школа в богатом Нюрнберге. Однако проведенная по инициативе Лютера в 1527 году визитация церковных приходов на окраине Саксонии со всей очевидностью показала, насколько плохо обстояли там дела с элементарными христианскими знаниями. В ходе инспектирования реформатор обнаружил, что большинство мирян «...даже понятия никакого не имеют о христианском учении» [5]. Кроме того, «многие пасторы совершенно неспособны и не готовы учить» [там же].

Ответ последовал незамедлительно. Уже в следующем году был издан Большой катехизис (*Großer Katechismus*) Лютера, написанный им специально для учителей – пасторов и отцов семейства, призванных обучать своих подопечных (прихожан и членов семьи, соответствен-

¹ В латинском тексте использован термин *ceria*. По всей видимости, имеется в виду слово *cera*, среди значений которого есть ‘ячейки в сотах’. В любом случае, речь идет о некоей изоляции классов (детей) друг от друга с целью предметного обучения.

но) основам христианской веры. В 1529 году появился *Enchiridion*¹ или Краткий катехизис (*Kleiner Katechismus*) для детей и слуг – лучшее в истории Реформации обучающее пособие. Уже в 1527–1528 годах Меланхтон разработал так называемый «Саксонский учебный план» (*Наставление визитаторов*,² 1527–1528), где подробно изложил ключевые принципы организации латинских школ.

Именно здесь впервые встречается немецкий термин *Haufen*, неоднозначно переводимый на русский язык. Например, переводчик труда К. Шмидта, Эдуард Циммерман, дает буквальный перевод – «кучка» [3], В.М. Володарский употребляет слово ‘группа’ [6]. Понятно, что речь идет о *классах*, причем организация работы в них (конкретно, программа обучения) по существу воспроизводит учебный план, предложенный Агриколой в школьном уставе Эйслебена. Меланхтон предлагал делить детей на три *группы – кучки*, обучение велось только на латыни, причем, разговаривать между собой ученики должны были тоже только на латыни, а учителя – присматривать за соблюдением этого правила. Для каждого класса предлагался определенный набор учебных пособий, многие из которых написал сам Меланхтон.

«Саксонский учебный план» Меланхтона послужил образцом для создания аналогичных документов и организации школ в Северной Германии, его распространяли и ему следовали *Иоганн Бугенхаген* (автор Брауншвейгского устава), *Юстус Ионас*, *Урбан Регий* и др. [3, с. 111]. Примечательно, что, согласно этому плану, предусматривалась ясная очередность предметов и занятий. Каждый этап обучения латинскому языку строился на освоении определенных знаний и приобретении соответствующих умений и навыков. Например, только после

¹ В переводе с греческого – учебник, руководство. Под таким названием Краткий катехизис также фигурирует в более поздних изданиях, однако гораздо реже, чем под своим привычным титулом.

² Полное название произведения: *Unterricht der Visitatoren an die Pfarrhern im Kurfürstenthum zu Sachssen* (Наставление визитаторов для настоятелей приходов в Курфюршестве Саксонском). В русском языке не сложилась соответствующая традиция перевода названия этого произведения. Как правило, используется термин «Саксонский (учебный) план», хотя, по сути, речь идет о том, что должны знать и уметь делать священники в том или ином приходе. В том числе, в их обязанности вменялось обучение основам христианской веры всех прихожан, а также, по возможности, открытие на территории прихода латинской школы.

того, как дети выучивали «Отче наш» и «Символ веры» на латыни, можно было приступать к изучению грамматики Доната и чтению Катона; а затем – после достижения необходимых навыков чтения и заучивания некоторых текстов – детей обучали письму [3, с. 111; 6, с. 361].

Затем (во второй *группе – кучке*) учили грамматику. Следует отметить, что план Меланхтона предусматривал также задание на дом: «Вечером, перед тем как дети пойдут домой, нужно выписать для них сентенции из произведений поэтов или других работ, чтобы они утром их пересказали» [6, с. 361]. Этот момент иллюстрирует, насколько старой является система домашних заданий в школах. В то же время, Меланхтон выступал за посильность обучения: «Будет не много пользы, если детей обременят трудными для понимания и глубокими по смыслу текстами...» [6, с. 362].

Сохраняется подобный план обучения и в целом организация школы в *Брауншвейгском уставе* (1528) Иоганна Бугенхагена (1485–1558). История создания этого документа, а также открытия школ в Брауншвейге особая, так как инициатива в данном случае исходила не от властей (герцог Брауншвейг-Вольфенбюттеля Генрих придерживался католичества), а от членов совета города [7, с. 167]. Являясь важным торговым центром Северной Германии, Брауншвейг с XIII века входил в Ганзейский союз и соответственно имел сильное бюргерство, представители которого собственно и пригласили деятельного соратника Лютера для проведения реформ церкви и образования.

Это, по всей видимости, и обусловило некоторые особенности устава Бугенхагена. Например, в нем подробно расписана система оплаты труда учителей и вопросы обеспечения их жильем [8, с. 133–135]. Также впервые в подобного рода произведениях упоминаются *немецкие школы* для мальчиков и девочек, в которых обучение шло на немецком языке [8, с. 139–140]. Возможно, наличие в протестантских школьных уставах (в дальнейшем, обязательное) разделов, посвященных немецким школам, обусловлено уже сложившейся практикой в этом направлении. Известно, что так называемые немецкоязычные школы (*Deutsche Schulen*) активно открывались в немецких городах уже в XV веке [4, с. 128]. К. Шмидт упоминает тот факт, что подобные школы способствовали более быстрому внедрению христианского обучения и развитию на их базе народного образования [3, с. 184].

Устав Бугенхагена (в составе церковного устава – *Der ehrbaren Stadt Braunschweig Christ-*

liche Ordnung, zu Dienst dem heiligen Evangelio, christlicher Liebe, Zucht, Frieden und Einigkeit [8]) включал в себя следующие разделы: «О школах», «О латинских школах для мальчиков», «О содержании латинских школ», «О проживании служителей школ», «О работе в школе», «О канторах в школах», «Об оценке учеников шульмайстером», «Чтобы школы могли быть постоянными», «О немецких школах для мальчиков», «О школах для девочек», которые дают ясное представление о приоритетных вопросах образования в Брауншвейге [8, с. 138–139].

Согласно уставу, в городе предлагалось открыть две латинские школы для мальчиков – одну в приходе Святого Мартина, другую – в приходе Святой Катарины [8, с. 132], причем в первой следовало держать ученого магистра искусств «...к чести города и на благо молодежи» [8, с. 132], в другой – ученого ректора [8, с. 132]. Учитывая, что Брауншвейг, по свидетельству Бугенхагена, имел пять приходов [8, с. 132], магистр и ректор кроме шульмайстеров (учителей) должны были иметь еще помощников (для приходов, в которых школы не учреждались), чтобы присматривать за детьми в Святой вечер (сочельник) и Святой день (Рождество), так как дети должны встречать этот праздник вместе с родителями в своем приходе [8, с. 132–133]. Также предлагалось открыть школы для девочек: «В городе должны быть учреждены четыре школы для девочек, в четырех местах, хорошо расположенные, потому что девочки не должны учиться далеко от родителей...», и далее: «...девочки должны быть в школе самое большее два часа в день. В остальное время они должны читать, служить родителям, учиться хозяйству и наблюдать» [8, с. 139–140].

Школьная программа в Брауншвейгском уставе конкретно не прописана, автор ссылается по этому поводу на «Наставление визитаторов» Меланхтона [8, с. 136], в чем проявляется преемственность реформаторов в данном вопросе. Учащихся предлагалось разделить на три группы (части, партии), при этом третья (лучшая) должна быть только в школе прихода Святого Мартина (с магистром), и туда попадали лишь самые лучшие ученики, способные (в дальнейшем) обучать других [8, с. 138].

Особое значение в отборе учеников для третьего класса имел также экзамен, которому подвергались мальчики двенадцати лет [8, с. 138]. Сама процедура экзамена в уставе не прописана, отмечается только, что об успехах ребенка или о его неспособности дальше учиться шульмайстер должен сообщить родителям [8, с. 138]. Приме-

чательно, что подобному экзамену, по замыслу Бугенхагена, подвергались и мальчики шестнадцати лет, заканчивавшие третий класс [8, с. 138]. Из этого замечания можно заключить, что класс (или группа, часть) в понимании школьных реформаторов (Бугенхагена и Меланхтона) не соответствовала в полном смысле году обучения. Скорее, речь шла об уровне, ступени обучения, сопоставимыми с современными понятиями «начальная школа» (первый класс), «средняя школа» (второй класс), «старшая школа» (третий класс).

Как отмечалось, в Брауншвейгском уставе подробно прописаны материальные вопросы содержания учителей. С целью привлечения к работе «порядочных и достаточно ученых помощников» Бугенхаген настаивает на достойной оплате их труда: «...ибо мы хорошо знаем, что они нуждаются в еде, одежде, постельных принадлежностях, приобретении книг и имеют иные потребности, которые порой обходятся дороже, чем еда и питье» [8, с. 133]. Наличие хорошего содержания автор считал залогом честной и ответственной службы со стороны учителей, а также способом их стимулирования – в случае пренебрежения своими обязанностями шульмайстеры подлежали немедленной отставке [8, с. 133–134].

Также в уставе оговариваются условия проживания учителей: «Оба шульмайстера должны иметь дом и кухню и т. д.; каждый из других помощников – спальню и комнату. Таковое жилище шульмайстеров и помощников должен содержать и построить почтенный совет, как раньше сказано, для порядочной и достойной жизни» [8, с. 135]. То есть, материальные затраты на квартирование учителей полностью возлагались на городские власти; что касается оплаты их труда – существовал разный подход, но основное бремя возлагалось на (родителей) учащихся.

Следует помнить, что специфика города и благосостояния его жителей существенно влияли на материальную составляющую уставов. Брауншвейг был богатым городом, и поддержание учителей (семи человек) было вполне посильным для городской казны. С другой стороны, тот факт, что определенную плату за обучение вносили учащиеся, вероятно говорит и о состоятельности горожан.

Можно видеть, что Саксонский план и Брауншвейгский устав в какой-то степени дополняют друг друга, представляют своего рода комплексное руководство по организации школьного дела, в них изложены основные принципы христианского образования реформационного толка,

которые адресованы не только руководителям латинских школ, но также приходским священникам и тем учителям, которые работали в немецких школах или обучали детей на немецком языке. К. Шмидт в этой связи называет их *образцами* для северной Германии, по которым составлялись и другие уставы и планы в XVI веке [3, с. 114–115].

В южной Германии самым значительным и примечательным в школьном деле стал *Вюртембергский устав* (1559, опять же в составе Церковного устава). Устав был издан герцогом *Кристофом Вюртембергским* (1515–1568), приблизившим к себе одного из ярких деятелей Реформации, сподвижника Лютера *Иоганна Бренца* (1498–1570) и назначившим его в 1552 году пробстом¹ Штутгарта. Именно в этой должности Бренц провел в герцогстве ряд реформ по организации церковного и школьного порядка, результатом которых явился глобальный Вюртембергский церковный устав (*Hochfürstlich Württembergische große Kirchenordnung, Stuttgart*), насчитывающий более шестисот страниц, где, в частности, подробно расписана система образования в герцогстве. Текст устава полностью изложен от лица герцога, но, по всей видимости, его составителем был сам Бренц.

Вопросы организации образования (*Von den Schulen*) занимают в Вюртембергском уставе значительное место. Устав замечателен тем, что в нем представлена вся многоступенчатая система образования в герцогстве. Начинается «школьный» раздел с так называемых «партикулярных школ» (*Von particular Schulen*), то есть, *латинских школ*. В отличие от северогерманских уставов с трехклассным делением, Вюртембергский устав вводит шесть классов «...соответственно разуму, способностям и обученности мальчиков» [10], правда с оговоркой, что не в каждой школе княжества должны быть обязательно все классы, это зависит от места и контингента [10]. К примеру, в малых городах обучение должно ограничиваться тремя классами [10, с. 197], что соответствует программам Агриколы, Меланхтона и Бугенхагена. Примечательно, что, в случае переполненности классов «разноуспешными» учениками, здесь также предусмотрено дополнительное деление их на *декурии*, «...чтобы облегчить обучение и чтобы стимулировать соревновательность и повышение уровня знаний» [10, с. 197–198].

Устав подробно расписывает не только программу обучения по классам, но и режим уроков в течение дня и недели, а также набор учебников

¹ Старший пастор в определенном регионе.

и методы работы с ними, принципы домашних заданий и т.д. Весомую часть рекомендаций в нем занимает описание того, что, когда и как необходимо читать из катехизиса (Бренца) с целью воспитания детей в страхе Божьем [10, с. 215]. Кроме того, представлены определенные правила (*Statuta*), где есть, в том числе, требования носить в школу кафтан и все учебники, чтобы не бегать домой во время уроков [10, с. 217]. Также упоминается необходимость в конце каждого урока проверять детей по журналу и, при наличии пропуска, выяснять его причину, затем соответственно наказывать [10, с. 217; 3, с. 121].

Обширный раздел устава посвящен так называемым *монастырским школам* (*Closter Schulen*). Эти школы были основаны герцогом Кристофом из секуляризованного монастырского имущества, там бесплатно обучались наиболее способные к теологии ученики латинских школ (после четвертого класса, от 12 до 14 лет), предварительно выдержавшие публичный экзамен в Штутгарте [3, с. 121]. Примечательно, что при поступлении в подобные школы юноши обещали заниматься в дальнейшем теологией и не поступать на иностранную службу без дозволения герцога [3, с. 121].

Сама процедура экзамена не раскрывается, так же как и в Брауншвейгском уставе. Интересное описание экзамена можно заметить в особой инструкции о школах саксонского курфюрста *Августа I* (1557): «...Каждое полугодие надлежит делать экзамен мальчикам в школах в присутствии священника, также бургомистра, городского писаря и других двух сведущих лиц из магистрата. А для пущей важности и для того, чтобы ученики поощрялись к большему прилежанию в учении, радовались экзамену и готовились к нему, можно взять из общественной казны несколько грошей и закупить булок и тому подобное, с тем чтобы раздать их потом в награду лучше других отвечавшим на экзамене и заметно исправившимся в истекшее полугодие» [3, с. 115].

Устав также подробно расписывает режим и программу занятий в монастырских школах, где к традиционным предметам «артистического» цикла добавлены арифметика и сферология [3, с. 122]. Этот раздел устава более обширен, чем раздел о латинских школах, и включает в себя подробные рекомендации по проведению каждого типа уроков – лекций, диспутов, упражнений в стиле, а также более подробную программу по отдельным предметам. Ясно, что монастырские школы являлись своего рода профессиональными учебными заведениями, осу-

ществлявшими непосредственную подготовку для поступления в *Тюбингенский университет*, один из старейших университетов Германии, основанный в 1477 году. Согласно уставу, лучшие выпускники монастырских школ могли войти в число ста стипендиатов университета, ежегодно принимаемых туда на вполне доступных (в денежном исчислении) условиях [10, с. 268; 3, с. 122]. В уставе подробно расписаны принципы предоставления (и сохранения) стипендий и программа обучения (в общих чертах).

Особое место в Вюртембергском уставе занимают вопросы организации *немецких школ*. Примечательно, что учеников там также предлагается делить на классы (или группы), а классы, в свою очередь, – на отделения (*Rotten*), «...соответственно успешности, чтобы побудить прилежание детей и облегчить учительскую работу» [10, с. 314]. Наличие в уставе раздела о немецких школах, вероятно, было продиктовано требованиями бюргерского населения, которое, в большинстве случаев, не нуждалось в обучении на латинском языке. Т.Н. Таценко в этой связи упоминает тот факт, что предшественник Кристофа Вюртембергского, *герцог Ульрих*, в 1546 году постановил закрыть все немецкие школы в своих владениях, что было вызвано возросшей в то время популярностью именно национального образования [4, с. 137]. Но, как можно видеть, герцог Кристоф и Бренц были вынуждены уделить немецким школам значительное место в своем уставе.

Отдельные правила для немецких школ весьма интересны. Например, устав настаивал на раздельном обучении мальчиков и девочек, чтобы они не могли «...вместе творить безобразия» [10, с. 313]. Только в этой части устава упоминаются розги со своеобразным описанием их использования: «...Учителя должны быть умеренны в применении для воспитания розог» [10, с. 317]. Кроме того, в уставе представлены некоторые другие дисциплинарные моменты, характеризующие, в частности, отношения между детьми. Например, в декуриях (внутри класса) латинских школ из мальчиков выбирался *декурион*, или групповод, в задачи которого входило следить за сотоварищами и доносить прецептору о нарушениях [10, с. 198].

Кроме представленного описания школ, их программ и правил внутреннего распорядка, устав уделяет много внимания учителям и прецепторам (старшим учителям), их профессиональным и личностным качествам, методам работы, оплате, требованиям к исполнению на-

стоящего порядка (устава), а также приему на работу, необходимым бумагам, испытаниям (аттестациям, регулярным проверкам и отчетам) и т.д.

В целом, Вюртембергский устав выглядит достаточно продуманным и довольно структурированным документом. Неслучайно, что он явился образцом для дальнейших документов подобного рода, например Саксонского устава 1580 года [3, с. 115]. К сожалению, этот факт не говорит о том, что в реальности со школьным делом всё обстояло так хорошо, как описано в уставе. Сам автор упоминает, в частности, о слабой подготовленности выпускников некоторых школ к поступлению в университет [10, с. 309]. Но само наличие подобных документов уже отражает ту серьезность, с которой деятели немецкой реформации относились к образованию, будь то из узкоконфессионального интереса, или из-за реализации принципа персональной ответственности верующего перед Богом. Вюртембергский устав активно переиздавался позднее (в XVIII веке), что говорит о его актуальности в тот момент и популярности.

Подводя итог описанию школьных уставов XVI века, К. Шмидт подчеркивает, что, несмотря на их (уставов) прогрессивность для той эпохи и наличие в них «духа гуманизма», они всё же отражали уже возникшую закостенелость нового христианства и отношение к школе как «дочери» и служанке церкви [3, с. 126]. Особенно критиковал автор методику «вдолбления катехизиса и механического усвоения латинского языка», а также пренебрежение образовательной силой родного языка [3, с. 126].

Но в то же время, анализ школьных уставов XVI века позволяет выявить те закономерности, которые наметились в организации школьного образования в эпоху Реформации и нашли свое непосредственное отражение в соответствующих документах и, скорее всего, в школьной практике. Реформация сама по себе явилась ярким протестом не только в религиозно-теологической сфере, но объективно вскрыла многие проблемы, в целом назревшие в феодальном обществе и системе власти Священной Римской империи. Выступая с жесткой критикой злоупотреблений папского престола и вызывая к возрождению идеалов раннего христианства, Лютер, сам того не ведая, обнажил уже назревшее недовольство местных правителей, быстро формирующегося бюргерства и представителей национальных (немецких) сил не только властью Рима, но и имперской политикой Габсбургов. Неслучайно, что попытки запретить использование немецкого языка в школах и закрыть немецкие школы вооб-

ще не увенчались успехом, о чем свидетельствуют соответствующие статьи школьных уставов.

Тот факт, что практически каждое немецкое герцогство, даже отдельные города и местечки, имели собственный школьный устав, с одной стороны, роднит складывавшуюся систему образования с цеховым (ремесленным) прошлым, с другой – показывает национальный и, говоря современным языком, демократический характер лютеранского христианства и предложенной Лютером организации общества в целом. Эти факторы породили и особый тип школы, где сильна связь учащихся с домом и семьей, и роль родителей в воспитании детей не оспаривается, а является важным подспорьем в школьном образовании.

Литература

1. Коменский Я.А. Великая дидактика / пер. с лат. проф. Д.Н. Королькова // Избранные педагогические сочинения. – М., 1939. – Том I.
2. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения : учебник / под ред. Л.М. Брагиной. – М., 1999.
3. Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / пер. с нем. Эдуарда Циммермана. – М., 1880. – Т. 3. : История педагогики от Лютера до Песталоцци.
4. Таценко Т.Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени / под ред. чл.-кор. АН СССР В.И. Рутенбурга. – Л., 1986. – С. 127–151.
5. Лютер М. Краткий катехизис / пер. К. Комарова – Фонд «Лютеранское наследие». – Минск, 1996.
6. Меланхтон Ф. О школах / пер. В.М. Володарского // Идеи эстетического воспитания : антология в двух томах. – М., 1973. – Т. 1: Античность, Средние века, Возрождение. – С. 360–362.
7. Кариков С.А. Брауншвейгский школьный устав 1528 года // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Харків, 2001. – С. 165–172.
8. Das Leben des Johannes Bugenhagen nebst einem vollständigen Abdruck seiner Braunschweigischen Kirchenordnung vom 1528. – Berlin., 1859.
9. Melancton, Ph. Unterricht der Visitatoren. – URL: www.glaubensstimme.de/reformatoren/melancthon.html (дата обращения: 04.10.2006).
10. Hochfürstlich Württembergische große Kirchenordnung. – Stuttgart, 1743 // Bayerische Staatsbibliothek. – URL: <http://www.digitale-sammlungen.de/> (дата обращения: 15.04.2016).